

Пролог

За семь дней до начала. 25 марта...

Проект Re — это проект по выведению нового поколения идеальных людей. Такие люди должны превосходить обычных людей по любому показателю, будь то умственные способности, физическая сила или социальные навыки. Изначально планировалось, что они займут места в правительстве и, благодаря выращенному в них рациональному мышлению, станут такими правителями, которым будет чужда собственная выгода и желания, а процветание народа будет возведено в абсолют.

Но так было лишь изначально...

Сейчас наша страна впервые за сотни лет в непостижимом упадке: мы отстаём во всех отраслях, начиная от экономики, заканчивая военным делом. Если так пойдёт дальше... мы падём.

Последний козырь, который у нас остался — это научная отрасль и этот проект. Сейчас надежда всей страны лежит на наших плечах и на плечах подопытных, которым нет и шестнадцати...

Да, о моральной стороне вопроса даже не стоит думать, все участвующие в этом эксперименте подопытные были тут со своего рождения: они ни разу не выходили из специально созданных для них комнат; они ни разу не видели солнца; они не знают, что такое семья — для них это просто звук. А всё, что они делают изо дня в день — это совершенствуются. У них, конечно, есть перерывы на естественные нужды, но они настолько минимизированы, что это даже трудно учитывать.

Немногие выдерживают, ведь это просто дети... Но даже если вам кажется это неправильным, я не в силах что-либо сделать.

Всё же я тут лишь научный сотрудник, пусть и не последний, над нами стоят военные и правительство, которые пресекают любое вмешательство, не связанное с улучшением подопытных. А те, кто пытался перечить, не важно будь то учёный или подопытный, — быстро устранялись. И единственное напоминание, оставшееся от них — пустые комнаты.

— Привет, номер 2013, — поздоровался со мной мой коллега, номер 2070.

В этой лаборатории запрещены имена. Их нет ни у кого: ни у учёных, ни у подопытных, ни у военных. Если честно, я не знаю, с чем это связано, я всего лишь один из преподавателей высшей математики и исследователей одновременно, да и беспокоит меня это мало. Возможно, так сделали, чтобы подопытные не ощущали себя неполноценными.

— Привет, — поздоровался я в ответ. — Были какие-то инциденты? — спросил я на всякий случай.

Всё же чаще всего, когда что-то подобное происходит, об этом вмиг узнаёт почти весь комплекс, а в последнее время ничего такого не было слышно.

— Да вроде бы нет. Хотя... — он задумался, — вроде как номер 0947 немного бунтовал.

— И отчего же?

— Хотел, чтобы увеличили время на чтение книг.

Услышав это, я тяжело вздохнул.

Его вполне можно понять, книги тут для подопытных — это единственное развлечение. Но, к сожалению, даже такую на вид мелкую просьбу мы не можем исполнить, ведь их жизнь буквально расписана до минут.

— Чем всё закончилось? — спросил я, хотя уже знал ответ, ведь подобное случалось раньше.

И даже в будущем, если это место так же, как и сейчас, будет существовать, то вряд ли что-то поменяется...

— Да как всегда, — пожал он плечами, — повязали его, а после наказали.

Наказания здесь заслуживают отдельного внимания. К примеру, одно из них таково: провинившегося подопытного заводили в небольшую комнату средней освещённости с устройством, выполняющим функцию электрического стула. Оно не летально для человека, но тот, на ком его применяют, испытывает невероятную боль... После фиксации рук и ног наказуемого персонал покидал помещение и перемещался в смежную комнату за стеклом. Далее проходило само наказание, длившееся около пяти минут. Думаю, не стоит подробно описывать, что ощущали подопытные всё это время. Скажу лишь, что по окончании истязаний бунтовщика уводили в свою комнату, и никто из них более не хотел попасть сюда вновь.

Подобные наказания хоть и не убивали, но оказывали существенное влияние на психическое состояние подопытных, которое потом, тем или иным образом, выливалось в летальный исход... С запуска проекта в живых остались чуть более двухсот испытуемых, и это число медленно, но уверенно уменьшается.

Чтобы относительно номеров не возникало путаницы, я поясню, номера подопытных идут с первого и до двухтысячного. Номера учёных и сотрудников — с две тысячи первого до трехтысячного. А военные идут с три тысячи первого и до пятидесяти тысяч. Военных тут, кстати, больше, однако именно эти две тысячи живут с нами в центральном комплексе. Основная же часть военных находится сверху, над этим подzemельем. Зачем тут так много военных?

Ответ очевиден: чтобы не было возможности побега и утечки данных следом. За эти шестнадцать лет, что я тут работаю, было две попытки подобного: один раз был организован побег подопытными и второй раз — сговор военных, младших сотрудников и некоторых учёных. Как итог: обе попытки оказались провальными, а те, кто пытался сбежать — мертвы.

И если в первый раз погибло всего лишь около сорока человек, пускай они и были детьми; то во второй раз погибло порядка трёхсот, среди которых были также мои друзья и коллеги...

— А что насчёт недавно испробованных препаратов?

Да... мы мало того, что лишаем этих детей детства, так ещё и ставим над ними опыты, как над обычными крысами...

— Ты о «Р46» и «Re78»? — поинтересовался он, начав копаться в куче бумаг, не очень аккуратно разложенных на столе.

— Именно.

Вообще мы испытываем не только эти два препарата, но эти самые интересные — особенно второй.

— Хм... — начал он, взглядываясь в найденную бумагу. — С «Р46» ничего интересного: подавление боли всё ещё не полноценное, хотя мы и усилили дозу гемоксита.

— Ожидаемо.

Всё же создать препарат, который навсегда убирает боль, далеко не просто...

— А что там с «Re»?

— Ну... — произнес он, уже взглядываясь в другой лист, — тут уже всё лучше: организм начал пытаться отрастить потерянные конечности, правда, боль даже под «пэшкой», говорят, ужасная... Подопытные кричат, пока им не вколют транквилизаторы.

Не хотел бы я это слышать... Но, если честно, уже поздно считать себя чистым, всё же я тут с самого основания, в отличие от многих моих коллег.

— Даже Первый кричал?

— Если бы... Сидел себе и делал вид, что ничего не происходит. Чёртов монстр...

Может, это и неправильно, но тут я понимаю своего коллегу.

Первый... он... его трудно назвать человеком, пускай мы сами и виноваты, что буквально сотворили его таким своими руками.

— На нём точно не работает «пэшка»?

— Ему её даже не вкалывали...

Жестоко... но...

— Я не про это. Может быть, одна из прошлых «пэшек» была удачной?

— Не-а... — отмахнулся он. — Вот возьми, — всучил он мне в руки лист бумаги. — Это замеры его сердцебиения и пульса. Стоит ему начать испытывать боль, как они вмиг повышаются, так что боль он точно чувствует.

— А это нормально?

— Что именно, мы так-то много чем ненормальным занимаемся?.. — с усмешкой спросил он.

— Я про то, что ему не вкалывали «пэшку», и он должен был испытывать чудовищную боль. Это, случаем, не повредит его сознание?

— Не думаю, что это возможно... и мне кажется, со мной солидарно большинство учёных. Знаешь, нельзя сломать то, что уже сломано.

А можно ли считать Первого — сломанным? Пускай он и странный, но монстром его считают всё же за его способности: все тесты, которые он проходит, проходит идеально. Начиная почти с самого раннего детства он прилагал максимум усилий к учёбе и быстро в ней преуспел.

Я не помню, чтобы он сдал тест не на все сто баллов. Притом не важно — был ли этот тест на академические, физические или социальные способности. Итог всегда был один — он набирал максимум.

А странным же его считают из-за его... поведения.

Он с самого рождения не проявлял каких-либо эмоций: у него не было желаний; не было предпочтений; он даже в детстве ни разу не плакал, впрочем, как и в будущем...

Именно поэтому его многие и боятся. Он больше напоминает машину в теле человека...

Неожиданно дверь, в которую я недавно вошёл, резко открылась. Спустя мгновение я увидел человека, стоящего

за ней. Подполковник, № 3001. Этот человек руководит всем на этой базе, он — главный.

Увидев его, мы резко напряглись, а мой коллега встал со стула. И всё потому, что мы знали, какой у него характер.

Стоило ему завидеть нас, как он нахмурился и, испытывая явное отвращение, сказал:

— Время пришло — используйте инъекцию «Re».

Что?..

Время пришло?..

Инъекция «Re»?

Почему?

Что происходит?

Я ничего не понимаю...

— Но «Re» — это же... — начал мой коллега, но не успел договорить, как ему прострелили голову, а по кабинету раздался глухой звук выстрела.

— Я знаю, что это, кретин... — держа в руке подрагивающий пистолет, сказал подполковник. — Ты, — говорил он, смотря на меня, — сколько у нас есть «Re»-ампул?

— Одн-н-на... — кое-как выговорил я, смотря на труп своего коллеги и медленно растекающуюся от него лужу крови.

— Дерьмо... — выплюнул он. — Тогда иди и вколи её Первому.

Я застыл от страха и незнания, что делать. А тем временем моё сердце билось так, как никогда до этого в моей жизни: выстрел, труп, растекающаяся кровь — всё это сейчас пыталось уложиться в моем сознании.

Выстрел.

Я вздрагиваю.

— Быстрее, следующий будет в голову! — рывком на меня подполковник.

Мысли всё ещё сбивались в нечто, из-за чего думать было очень трудно. Но инстинкт самосохранения вовсю вопил, чтобы я начал выполнять его приказ.

Я двинулся в одну из дверей, расположенных в комнате. Дверь должна быстрее всего привести меня к хранилищу,

где я возьму инъектор «Re» и после сразу направлюсь к подопытным.

Только зачем ему именно препарат «Re»?! Он же не работает!!!

Мы уже проверяли, и прошлый испытуемый умер сразу после того, как ему вкололи его! Вернее, он и должен был умереть... но не так...

Он должен был умереть, а после ожить!

В этом и был изначальный смысл препарата «Re», но... он не ожил. Хотя мы и были близки, ведь тело уже после зафиксированной смерти продолжало двигаться и даже пыталось говорить. Но не прошло и двух минут, как тело перестало двигаться и вообще пытаться сделать хоть что-то: оно просто умерло. Окончательно умерло.

Поэтому проект решили перенаправить и достичь хотя бы возможности регенерировать тело...

Дверь, люди, ещё дверь, ещё люди — всё это мелькает перед глазами, но сознание просто не может на этом сконцентрироваться.

«Почему?! Что такого могло произойти, что главный требует вновь использовать этот препарат?!» — думал я про себя, пока вводил код от сейфа, где хранится сам препарат и записи по его изготовлению.

Когда я ввёл последнюю цифру, раздался писк, сейф был открыт. Внутри лежат документы и препарат в единственном экземпляре. Не задумываясь беру препарат и поворачиваюсь, собираясь направиться в сторону испытуемых, но... неожиданно чуть не врезаюсь в подполковника.

— Быстрее! — вновь рыкнул он мне.

Я сразу отошёл от него и направился к выходу из комнаты, только сейчас заметив лица стоящих людей. Среди них были как мои коллеги, так и военные, которые по идее не должны были меня сюда пустить. Но, видимо, из-за идущего позади меня подполковника даже не остановили. Случилось что-то серьёзное.

Все эти мысли буквально пролетали в моей голове, пока я чуть ли не бежал к испытуемым, держа в руке инъ-

ектор с веществом, которое должно будет убить одного из них...

Если быть конкретнее — оно убьёт Первого. И так решил не я, а подполковник. Это ведь он сказал мне использовать его...

— Наконец-то, — выдохнул я, когда добрался до одной из комнат с установленным стеклом Гизелла.

За ним, решая тесты, сидел Первый.

Его лицо, как всегда, не отражало ни капли эмоций, а его осанка и тело были идеальными, словно он выходец из аристократического рода.

Введя код, я разблокировал дверь и зашёл к нему в комнату. Он окинул меня безразличным и совершенно спокойным взглядом.

— Здравствуйте, две тысячи тринадцатый, — выдал он, прервавшись от своего занятия.

Я не был его преподавателем и всего лишь два раза заменял своего коллегу несколько лет тому назад, но даже так он помнит мой номер.

«Монстр...» — проскользнуло у меня в сознании.

— П-привет, П-первый... — немного запыхавшись и нервничая, сказал я.

Он всё таким же безразличным взглядом окинул дверь, откуда я вошел. Я сделал так же и увидел стоящего там подполковника, в руках у которого была папка, похожая на ту самую из сейфа.

— Вкалывай, — приказал он, направив на меня пистолет.

Меня снова затрясло от недавних воспоминаний.

— Прости, Первый, но мне нужно... — виновато и нервно произнёс я, показывая инъектор.

— Ничего, — спокойно ответил он, — всё хорошо, я понимаю, — договорил он, встав со стула и направившись к своей кровати, на которую сразу лёг.

Сняв одним движением с инъектора колпачок, я подошёл к Первому, который лежал так же, как и всегда. Для него

будто не было разницы между тем, что происходит сейчас, и тем, что происходит обычно.

Поднеся к его шее инъектор и как следует прицелившись, я сделал быстрое движение, и игла вошла в шею Первого. Прошло меньше секунды, и инъектор опустел, а глаза Первого медленно закрылись.

Я приложил руку к его шее, чтобы нащупать пульс, но его не было. Повторил процедуру с его рукой, но и там его не нащупал. Напоследок приложил руку к груди, но и сердцебиение полностью остановилось.

— Он умер, — выдал я, с ужасом осознавая, что только что собственноручно убил человека.

На моё удивление, подполковник облегчённо выдохнул и, опираясь на стену, сел на корточки.

— Если ничего не выйдет — мы трупы, — обессиленно выдал он.

— Что-о?..

— Сверху сейчас идёт бойня. Нашу базу окружили со всех сторон и методично истребляют моих бойцов. Если у нас сейчас не будет бессмертного — мы трупы, — объяснил он.

— Атака, но... у нас же даже...

— Нет сирены? А смысл её включать? Создавать панику, чтобы я не смог добраться до нашего последнего шанса?

И пока я обдумывал ответ, тело... тело Первого начало биться в конвульсиях. Ноги, руки, голова — всё это резко начало дёргаться.

Испугавшись, я резко отполз от этого... от этого неестественного, пугающего и рушащего все законы мироздания...

Я... я даже слово не могу подобрать, которым можно было бы назвать это существо...

Мы точно перешли все границы дозволенного, когда создали этот препарат. Такая вещь не должна существовать в этом мире!

Сделав резкое движение тазом, тело опало и конвульсии прекратились. Но...

Спустя секунду оно медленно подняло голову, затем, оперевшись на руки, немного приподнялось и начало осматриваться. И вроде бы всё удалось, но в этих глазах не было даже той маленькой частички жизни, что светилась в глазах Первого. Это уже не он, а оживший труп.

Существо поднесло к лицу руку, начав её осматривать, сжимать, и... целая река крови брызнула из его рта. И пока никто ничего не успел осознать, тело существа вновь упало на кровать, издав мягкий звук удара о матрас.

Подполковник быстро встал и, подойдя к телу, начал ощупывать его, но это было бесполезно, он начал дергать тело, пытаясь снова заставить его действовать.

— Мёртв, — тихо сказал подполковник. Сразу после чего полез к себе в карман, достал оттуда зажигалку и поджёг листок с исследованиями с разных сторон. Дождавшись, когда листок полностью стгорит, он достал свой пистолет и вытащил из него магазин, следом начав его осматривать. После зарядил обратно и передёрнул затвор.

— Ты первый? — спросил он меня, предлагая мне пистолет и потеряв все краски жизни на лице.

Тем временем я уже слышал раздающиеся по лаборатории выстрелы и крики...

Глава 1

Первое апреля

Что есть судьба?

Каждый из нас уже наверняка когда-то задумывался об этом, но вот чёткого ответа так и не нашёл.

Кто-то считает, что судьбу мы строим сами, и всё зависит только от нас самих. А кто-то считает, что судьба — это распланированный сценарий нашей жизни, и что бы мы ни делали, изменить её мы не в силах. Иначе говоря, каждое наше действие и решение нам не принадлежит, и мы всего лишь заложники предопределённого нам фатума...

Если второй вариант правдив, то получается, что ни одно существо никогда не было и никогда не будет по-настоящему свободно?

Но если это так, то не лучше ли поступать, как те немногие, что не задумываются о таком? Ведь если ты об этом не думаешь, то и не ощущаешь, что ты всего лишь марионетка, которая никогда не будет действительно свободной. Выходит, правдива крылатая фраза: «Всем глупым счастье от безумья, а умным — горе от ума...»

* * *

— Мари-тян, ты слышала, что вчера произошло?! — прерывал мой внутренний монолог раздавшийся в нескольких метрах от меня милый девичий голосок.

Интереса ради я немного повернул голову вбок и увидел двух вполне привлекательных девушек, одетых в ту же форму, что и я. Видимо, они тоже ученицы старшей школы Никото.

— Ты о том ужасе, который устроили кланы?

Девочка, которая первая задала вопрос, растерялась.

— А разве изначально это устроила не группа подростков?

— Не говори глупостей. Не могли же обычные подростки-простолюдины устроить такое! Ты же наверняка слышала, что даже полиция против них была бессильна, и им пришлось ждать спецотряды. И это не говоря о взрыве многоэтажного здания с тысячами жертв... А нам, по итогу, заявляют, что спецотрядам на протяжении десятка минут давали отпор несколько подростков? Ну и бред...

— Но там же вроде говорили, что подростки только первопричина произошедшего...

— И ты хочешь сказать, что эти подростки как-то повлияли на кланы и заставили их это учинить? Это даже более бредово звучит, чем мой вариант.

— Но... какой им тогда смысл скрывать, что в этом виноваты кланы?